

теперь только одна новость—съ нетерпѣніемъ и со страхомъ жду появленія на свѣтъ Оедора Оедоровича.

— Жаль Раису,—сказала Варвара Тихоновна.—Поспѣшили, господа.

Оедоръ Игнатьевичъ ничего не отвѣтилъ.

— Пожалуй, доктора прикажутъ въ деревню ѣхать.

— Да, совѣтуютъ. Но опасно ѣхать въ деревню. Вдругъ понадобится помощь хорошаго акушера. Мамап, я думалъ, что Раисѣ всего удобнѣе было бы переѣхать на лѣто къ вамъ. Живете вы за городомъ, чудесный воздухъ...

— А мнѣ куда же дѣться?

Вопросъ Варвары Тихоновны исключалъ возможность дальнѣйшей бесѣды въ этомъ направленіи. Оедоръ Игнатьичъ взглянулъ на тройной подбородокъ мамап и сказалъ:

— Конечно, конечно, вы привыкли къ своему углу и вамъ хочется покоя.

— Неужели, Оедоръ Игнатьичъ, я не имѣю права на это маленькое счастье? Развѣ я мало потрудилась для Раисы въ своей жизни? Хоть не родная, но я была ей мать, я ничего не щадила для нея! Неужели она забыла, чѣмъ она мнѣ обязана?

— Мамап, мнѣ кажется, что объ этомъ можно не распространяться. Раиса ничего не говорила мнѣ о переѣздѣ сюда, и эта мысль пришла мнѣ сейчасъ.

— Да, да, очень жалю, что принуждена отклонить... Всѣ, Оедоръ Игнатьичъ, даже звѣри, имѣютъ свое логовище!..

— Мамап, я чувствую себя ужаснѣйшимъ эгоистомъ... Пожалуйста, успокойтесь.

Варвара Тихоновна глубоко вздохнула. Въ сосѣдней комнатѣ послышался басистый капель.

— Это псаломщикъ, Елисей Ивановичъ,—пояснила Варвара Тихоновна.—Пришелъ поздравить, и я приказала покормить его. Очень хорошій молодой человѣкъ! — заключила она съ новымъ вздохомъ

— Ну, до свиданія, мамап. Я передамъ Раисѣ, что вы ее дѣлаете.

— До свиданія, Оедоръ Игнатьичъ. Разумѣется, передайте. Я приѣду къ ней сама... Такъ ужъ пожалуйста, Оедоръ Игнатьичъ, не сердитесь. У васъ у самого есть усадьба. Повѣрьте, что Раиса не чувствовала бы себя хорошо у меня...

— Мамап, это весьма возможно.

Выходя, Оедоръ Игнатьичъ посмотрѣлъ на безлистный садъ, по дорожкамъ котораго онъ еще такъ недавно ходилъ и бѣгалъ